

МОРВЕЙН ВЕТЕР

ТОМ 2

Туманы замка Бре

ЗАМКИ НАЯВУ

18+

Морвейн Ветер

Туманы замка Бро.
Том 2. Замки наяву

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Ветер М.

Туманы замка Бро. Том 2. Замки наяву / М. Ветер — «ЛитРес: Самиздат», 2016

ISBN 978-5-532-03859-2

XIII век. Замок, на границе Англии и Шотландии. Милдрет - внебрачная дочь тана Элиотов. Судьба бросает её из стороны в сторону, из монастырской воспитанницы она превращается в прямую наследницу, но стоит появиться на свет младшему брату, отец снова отправляет её в монастырь. По дороге в аббатство, на отряд Милдрет нападают англичане, и она становится пленницей, заложницей на стороне врага. Владелец английского замка жесток, но его амбициям угрожает настоящий наследник - юноша, запертый в башне по воле самозванца. Впутавшись в сети английских интриг, Милдрет уже не сможет выпутаться из них. Горе и отчаянье, или надежда и счастье - что ожидает её в рассветном тумане, повисшем над замком Бро?

ISBN 978-5-532-03859-2

© Ветер М., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Глава 15	5
Глава 16	9
Глава 17	14
Глава 18	18
Глава 19	23
Глава 20	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Морвейн Ветер. Туманы замка Бро. Том 2. Замки наяву

Глава 15

Шёл 1217 год от Рождества Христова, и пятнадцатый год шёл Грегори де Вьепону, старшему сыну Роббера де Вьепона, когда граф Оксфордский отослал его домой из столицы, рекомендуя не присылать больше в пажу ко двору никому. Четырнадцать же было ему, когда Роббер де Вьепон выпорол его и, заставив ночевать две ночи в хлеву, смилоствивился и, вызвав к себе, сообщил, что уходит в крестовый поход.

Последнее обстоятельство определённо удивило Грегори куда сильнее, чем сам факт его ссылки в родной замок Бро – Грегори рос капризным, своевольным и непослушным мальчишкой. Он никогда не признавал, что должен по традиции или какому-то ещё праву прислуживать кому бы то ни было, тем более прислуживать незнакомому ему графу. То, что его отправят домой, было лишь вопросом времени – Грегори старался не говорить об этом вслух, но он и сам этого хотел.

Ему нравилась вольная жизнь в замке Бро. Нравилось всегда находиться рядом с отцом, который сам учил его владеть мечом и копьём. Нравилось вылазки на шотландскую сторону, которые вообще-то были запрещены, но из которых можно было притащить барашка или козла, чтобы затем пожарить его на заднем дворе тайком ото всех, кроме ближайших соратников. И нравилось, что здесь к нему относятся как к наследнику местного лендлорда, которому, по большому счёту, позволено всё.

Отец раз за разом пытался затянуть узду, но раз за разом терпел поражение в борьбе с собственным сыном – на его горе, единственным из тех, что родились у него в браке.

Трижды Грегори отсылали в столицу пажом в знатные дома, и трижды он возвращался назад, но теперь уже возраст его служения истекал, и шанс найти дворянина, который возьмёт завоевавшего дурную славу мальчишку был невелик.

Грегори думал обо всё этом, когда замёрзший и голодный шёл с конюшни в отцовские комнаты и ожидал продолжения выволочки – но никак не того, что Роббер де Вьепон объявит ему:

– Сын мой, я уйду в крестовый поход.

Впервые в жизни Грегори Вьепон не знал, что сказать. Просто стоял и смотрел на отца, ожидая, что тот поправится, скажет, что оговорился или пошутил.

– Зачем? – наконец спросил Грегори.

Отец ничего не ответил.

– Ты не хочешь служить чужим, – сказал он, будто не заметил вопрос, – может, так и должно быть. Но ты станешь рыцарем, Грегори. Так тоже предрешено.

Грегори молчал. Отец, очевидно, собирался снова отправить его в столицу, и отговаривать его не было смысла.

Впрочем, отец почему-то не торопился объявлять фамилию нового господина. Он встал и, подойдя к Грегори вплотную, приподнял его лицо за подбородок. Грегори был ростом пока ещё чуточку ниже него, но уже унаследовал семейный чуть горбатый нос, который так нравился женщинам на лице отца, густые длинные волосы и пронзительные, чёрные как у матери, глаза.

– Грегори, я уйду. Может быть, мы не увидимся больше никогда.

– Я понимаю, отец, – Грегори сглотнул и накрыл его руку своей рукой.

– Ты можешь дать слово, что не опозоришь меня?

Грегори молчал. Только закусил губу. На глаза навернулись слёзы, потому что отец всегда представлялся ему таким же нерушимым и неизменным, как стены замка Бро.

– Клянусь, – сказал он наконец.

И в ту же секунду хлопнула дверь.

– Вот, – сказал отец, – идёт твой новый лорд.

Грегори почувствовал, как у него холодеет в груди, и медленно обернулся – а потом так же медленно выдохнул, чувствуя, как сердце вновь восстанавливает ход.

– Сенешаль Тизон... – губы Грегори дрогнули, почти расплылись в улыбке. Тизон Ковингтон был давним другом отца и обитал в замке столько, сколько Грегори себя помнил. Он был Грегори ближе дяди и любого из старших родственников, кроме, разве что, самого отца.

– Тизон возьмёт на себя заботу о тебе. А замком в моё отсутствие будет править Генрих – до тех пор, пока ты не повзрослеешь и не примешь рыцарский обет. От тебя зависит, насколько скоро это произойдёт. Ты понял меня, Грегори? – сэр Роббер так же бесцеремонно, как и несколько минут назад, повернул голову Грегори за подбородок к себе.

Грегори медленно кивнул.

– Тогда клянись, – приказал сэр Роббер и подтолкнул его к Тизону, стоявшему в паре шагов. Грегори послушно опустил на одно колено и произнёс клятву. Новость об отбытии отца подействовала на него фатально – сейчас он был готов на всё.

Роббер де Вьепон собрал отряд из пятидесяти рыцарей, забрав ровно половину из всех рыцарей, обитавших в замке, и столько пехотинцев, сколько пожелало с ним отправиться. Причину своего решения он сыну так и не объяснил – зато показал документ, запечатанный сургучом, который должен был подтвердить право Грегори наследовать замок в случае, если сэр Роббер так и не вернётся живым.

Его провожали втроём – не считая многочисленной челяди: брат – Генрих Вьепон, друг – Тизон Ковингтон, и сын – Грегори Вьепон.

Не успело войско сэра Роббера скрыться за горизонтом, как Генрих, не оборачиваясь и глядя удаляющимся рыцарям вслед, произнёс:

– Не лезь ко мне под ноги, Ковингтон.

Ковингтон дёрнулся и пристально посмотрел на нового лорда, но ничего не ответил. Вскочил в седло, и подав Грегори руку, помог забраться к себе за спину, а потом дал шпоры коню.

Служить Тизону Грегори нравилось куда больше, чем незнакомым графам в далёкой столице – почти как отец сенешаль ежедневно занимался с ним, учил кормить сокола, которого сам же и подарил следующей весной, владеть мечом и носить доспех. Как и граф Оксфордский он приказывал прислуживать себе за столом, но делал это скорее для порядка, чем в самом деле от того, что нуждался в прислуге. Можно сказать, что Тизон баловал его – и к тому же покрывал все мелкие грешки, которых у Грегори хватало с лихвой – всё так же он продолжал бегать через границу и воровать шотландский скот, всё так же носился по окрестностям на коне, в одиночестве наслаждаясь свежим ветром, запахом вереска и лёгкими шорохами полей и холмов.

В столице Грегори был как в тюрьме – здесь он был свободен, иногда даже слишком. Настолько, что не замечал вокруг ничего.

Прошло почти полгода с ухода отца, прежде чем он впервые услышал про набеги шотландцев, которые, оказывается, тоже воровали скот. Какой-то крестьянин пришёл к Генриху просить о защите, но тот ответил отказом, обосновав своё решение тем, что крестьянин не уплатил налог. Грегори в этот момент стоял за плечом у Тизона и видел, как тот нахмурился, но ничего не сказал.

– Разве мы не должны защищать свою землю? – спросил Грегори у Тизона уже потом.

Тот ответил не сразу, как будто бы надеялся, что мальчишка забудет о вопросе, но Грегори всегда получал своё, и в конце концов Тизон сказал:

– Должны, но... Твой отец забрал половину войска. Вряд ли мы справимся с Армстронгами сейчас. Тем более, когда Элиоты у них за спиной.

– Армстронги? – переспросил Грегори.

– Клан, что обитает по другую сторону границы от нас. У шотландцев всё не так. Нет маноров и лендлордов, только... дикие воины. Вот и всё.

Грегори нахмурился. Он видел шотландцев несколько раз – те казались ему странными, но дикими он их назвать не мог. И дрались они очень даже ничего.

– Что значит «клан»? – спросил он.

– Клан... – Тизон задумался, – род. Но не совсем род. Представь, что в наш род входили бы все крестьяне, все кто зависит от нас. И представь, что мы могли бы объявить войну другим замкам. Даже королю.

– Это значит, что Элиоты могут объявить войну Армстронгам, – предположил Грегори.

Тизон внимательно посмотрел на него.

– Да, может быть, – сказал он. – Но вряд ли твой дядя решится пойти с ними на переговоры.

– Решится, если предложишь ты.

Тизон рассмеялся.

– Генрих – не твой отец, Грегори. Ему безразлично всё, что я могу ему сказать.

– Но ты сенешаль. Он должен тебя слушать.

– А он не слушает, – Тизон пожал плечами. – Он лорд. И может всё.

Грегори больше не заговаривал о шотландцах и не задавал вопросов, довольствуясь тем, что слышал в зале, стоя у Тизона за спиной. А ближе к концу весны набегу участились настолько, что и сам Генрих решил наконец собрать совет, состоявший из него, сенешаля, главы ополчения и казначея.

– С шотландцами бесполезно воевать, – говорил казначей, младший брат Генриха и Роббера, Джон Вьепон. – Ты им в нос, они тебе в бок. Они уже не те, что были раньше. Их будет не так просто выкурить из крепостей, которые мы же и научили их строить.

– И у нас нет людей, – поддержал его глава ополчения, Седерик. – Слишком поздно, мой лорд. Крестьяне бегут. Сейчас мы уже никого не соберём.

– Скажи им, – Грегори толкнул Тизона в бок, и тот сердито посмотрел на него. Будущий барон позволял себе много и скрывал это слишком плохо, будто напрашивался на хорошую порку, но Тизон всё равно продолжал его баловать. – Скажи! – упрямо повторил Грегори.

– Сенешаль Тизон?

Тизон на секунду поджал губы, потом быстро произнёс:

– Нужно заключить договор с Элиотами.

На несколько секунд в зале воцарилась тишина. Тизон глубоко вдохнул и продолжил:

– Нужно разжечь войну между кланами. Зажмём Армстронгов в тиски. Если Элиоты ударят им в спину, то могут рассчитывать на обширные земли по ту сторону от границы...

– А если Элиоты вообще не захотят иметь с нами дела? Или, лучше того, объединятся со своими братьями по языку и направят войско против нас?

Тизон только пожал плечами.

– Ты спросил, я сказал, – ровно ответил он.

В тот день совет разошёлся, так ничего и не решив, а на следующее утро Генрих приказал послать гонца к Элиотам, чтобы предложить им мирный договор.

Ещё через неделю гонец вернулся и принёс оскорбительный отказ – что никак не могло улучшить настроения наместника. Набеги продолжались, крестьяне готовы были взбунто-

ваться, и в самом начале лета Генрих приказал начать сборы, рассчитывая до середины лета выдвинуться в поход.

Глава 16

Шло лето 1217 года, и Милдрет, дочери Брайнена Элиота и Элизабет Уоркли, уже исполнилось четырнадцать, когда жизнь её, во второй раз за то время, пока она помнила себя, и в третий с её рождения, сделала крутой поворот.

Первый поворот Милдрет не помнила, потому что тогда ей не исполнилось ещё и года. Об этих событиях ей рассказывала сестра Мартина много позже: о том, как её мать, довольно знатная саксонская дама и уже три года как вдова барона Уоркли, явилась в аббатство Дандренон под покровом ночи и слёзно просила взять на воспитание младенца, не спрашивая, кто его отец.

В таком визите ничего удивительного ни аббатисса, ни другие монахини не усмотрели – здесь много было тех, кто с младенчества находился под защитой монастыря. Милдрет взяли на воспитание, согласившись оставить при ней некоторое количество личных вещей, которые передала ей мать – резную шкатулку, в которой лежал амулет с незнакомым гербом, серебряный кинжал и письмо.

«Моя милая Милдрет, мне жаль, что я не могу остаться с тобой. Обстоятельства разлучают нас и вынуждают меня отказаться от тебя, но я всегда буду помнить, что ты моя дочь, и всегда буду тебя любить».

Только из письма девочка и узнала, что именем, данным ей при рождении, было имя Милдрет, потому как монахи с детства окрестили её именем Катрина, и на это имя она и отзывалась первые десять лет своей жизни.

Имя Катрина она никогда не считала своим. Его дали чужие люди, и имя это было чужим. Даже сестра Мартина, ставшая для неё ближайшей соратницей и наставницей, не была близка девочке настолько, чтобы та признала её право давать имена – и в мыслях воспитанница то и дело перекаtywала чудесное, пахнущее диким ветром и запахом вереска саксонское имя Милдрет.

Этим именем она и назвалась, вопреки осуждающему взгляду сестры Мартины, когда жизнь её совершила второй крутой поворот: в году 1213, когда маленькой Катрине исполнилось десять лет, в монастырь прибыло несколько всадников. Они переговорили с аббатиссой, и вскоре после разговора в скрипторий к Милдрет вошла сестра Мартина.

– Собирайся, мы уезжаем отсюда, – сообщила она.

– Зачем? Куда? И когда мы вернёмся? – растерянно спросила Милдрет, по обыкновению коротавшая вечер за чтением писания – досуг в монастыре был не слишком разнообразен.

– К твоему отцу. Насовсем.

Несколько долгих секунд Милдрет смотрела перед собой, просто пытаясь осознать то, что услышала только что.

Всё внутри неё пело, и в то же время сердце объял страх. «На встречу с отцом», – повторила она про себя. Сердце стукнулось о рёбра и замерло. Не об этом ли она мечтала?

Здесь, в стенах аббатства, ей казалось, что она в плену. Хотелось плакать от мыслей о том, что так и пройдёт вся её жизнь – за чтением книг и работой в саду. Наибольшей радостью для неё было перечитывать единственное письмо, связывающее её с миром за стенами монастыря. И вот теперь её забирал к себе отец.

Милдрет бросилась в келью и, молниеносно собрав свои небогатые пожитки, направилась к условленному месту встречи – воротам монастыря. Она ожидала, что там уже увидит отца – но этого не произошло.

Трое суровых мужчин на сизых конях даже не взглянули на неё и не показали лиц из-под низко опущенных капюшонов – только брат Мартин, сидевший на ослике рядом с ними, махнул Милдрет рукой, призывая залезть на осла у себя за спиной.

Шёл дождь, и лошади месили копытами глину почти до утра, затем лишь на пару часов остановились на ночлег. С Милдрет по-прежнему никто не говорил – ей лишь молча протянули кусок мяса на кости за общим костром – что, конечно, было лучше того, чем кормили в монастыре, но всё равно не слишком её обрадовало.

Милдрет почему-то стало тоскливо – здесь она была так же не нужна никому, как и в стенах аббатства. Зачем бы она ни понадобилась отцу, тот явно не слишком-то жаждал её увидеть.

Они ехали три дня и три ночи, пока в рассветной дымке на горизонте не замаячили стены и башни замка, название которого Милдрет узнала лишь спустя несколько часов, когда услышал: «Добро пожаловать в Карлевелок!»

– Добро пожаловать в Карлевелок! – Брайнен Элиот, рыжебородый мужчина с сетью морщинок вокруг глаз секунду стоял, разглядывая девушку, прибывшую в замок из аббатства Дандренон в окружении трёх рыцарей и одной монахини, затем губы его расплылись в улыбке и он, не сдержавшись, обнял её при всех.

Брайнен в самом деле был рад. Было бы преувеличением сказать, что он заочно любил дочь, которую никогда не знал. Он отправлял гонцов не за дочерью – за наследницей, потому что старший его сын, рождённый в браке с Иннис, урождённой Армстронг, не оправдывал никаких надежд.

Юный Брайс Элиот откровенно сочувствовал своей родне по матери куда больше, чем дому отца. Сочувствовало ей и окружение Брайса, которое на каждом пиру не забывало напомнить Брайнену о том, как много сделали Армстронги для его дома, и о том, что именно они удерживают границу с англами, чтобы он, Брайнен, мог пировать вволю, пока они, Армстронги, проливают за Шотландию свою кровь.

Разговоры эти раздражали Брайнена чем дальше, тем сильнее, в особенности потому, что сам Брайс был ещё слишком мал, чтобы судить о чужой крови, пролитой за него и ради него. Он откровенно повторял то, что напевали ему старшие друзья, многие из которых сами имели родню среди Армстронгов, но до поры до времени Брайнен Элиот лишь скрипел зубами, пока, в один прекрасный вечер монах, исповедовавший Брайса, не рассказал ему о заговоре, который готовится против тана.

Брайнен не был уверен, что стоит верить словам монаха, нарушившего таинство исповеди, и, тем не менее, известие о предательстве стало для него ударом.

Собрав для совещания нескольких приближённых, среди которых был его младший брат Кестер, бард Рамсей и всё тот же монах брат Маркус, Брайнен стал вспоминать, кто ещё мог бы претендовать на роль наследника титула Элиота из Элиотов. Однако сердце его по-прежнему было беспокойно – не только его клан и его жизнь оказались под угрозой, он остро ощущал, что потерял человека, которого до сих пор, несмотря ни на что, считал родным.

Так Брайнен Элиот вспомнил о леди Элизабет, проезжавшей дорогами Шотландии десять лет назад, остановленной его рыцарями и приглашённой в замок Карлевелок погостить несколько дней. Элизабет осталась на добрых полгода, она не слишком спешила, и только когда Брайнен стал замечать округлость её живота, приказал снарядить отряд рыцарей, которые помогли бы английской леди добраться до границы в целостности и сохранности. Лорд Элиот немедленно послал отряд рыцарей на поиски, и уже довольно скоро пришли вести о девочке, которую леди Элизабет отдала на воспитание в монастырь.

За те шесть дней, что Брайнен Элиот ждал появления в доме новой дочери, он много раз успел обдумать политическую часть своих планов, так что теперь разум его был свободен для семейных чувств. Он в самом деле был рад, что, потеряв сына, обрёл дочь, и почти уже готов всем сердцем полюбить юную Катрину так же, как любил Брайса до сих пор.

– Дочь моя, – повторил он, выпуская Милдрет из объятий. Затем перевёл взгляд на монахиню, стоящую рядом с ней, и спросил. – Есть ли подтверждение тому, что это дочь Элизабет Уоркли?

Монахиня чинно кивнула.

– Катрина, покажи лорду Элиоту письмо.

Милдрет поморщилась, услышав нелюбимое имя, но послушно достала из-за пазухи свиток и протянула его Брайнену. Тот вглядывался несколько секунд в летящие строчки, а затем произнёс почти что с благоговением:

– Узнаю её почерк. И девочка... так похожа на неё, – затем протянул письмо брату Маркусу, ожидавшему решения Элиота в стороне, и приказал: – Прочти.

Монах зачитал письмо, и последнее напряжение ушло из глаз Брайнена. Он снова обнял дочь, но уже не так порывисто, и замер, разглядывая её лицо.

Юная Милдрет была красива. С сожалением приходилось признать, что она получилась куда утончённей Брайса, хотя и тот со временем должен был привлечь немало женского внимания своей огненной шевелюрой.

Брайс, впрочем, был крепче – и это внушало опасения Элиоту. Он даже пощупал руки Милдрет – натруженные мотыгой, но всё равно слишком худые на его взгляд.

– Тебя, конечно же, не учили драться? – спросил он.

– Нет, лорд Элиот, – Милдрет с удивлением посмотрела на него, но тут же опустила взгляд, как её учили в монастыре. – Латыни, чтению, письму и святому писанию, лорд Элиот.

– Смотри мне в глаза! – приказал Элиот, заметив, что девочка по-монашески потупила взгляд, и Милдрет тут же вздёрнула нос. Теперь она смотрела упрямо и даже зло. – Вот это моя дочь, – усмехнулся Брайнен и обнял её в последний раз.

С тех пор жизнь Милдрет круто переменилась второй раз.

От спокойной монастырской жизни не осталось и следа. В новом доме у неё было всё, о чём она мечтала – подаренный отцом породистый конь, доспех, в котором Милдрет было приказано тренироваться каждый день, чтобы развить тело и набрать здоровье, которого ей не хватало, как казалось отцу, и собственный меч – но было много и того, о чем она не задумывалась никогда: врагов.

Ненависть к ней Брайса не выражалась напрямую никогда – но Милдрет видела её в блеске глаз на пиру, в том, как осторожно отбирали у того кубок, если Брайс порывался угостить сестру вином, и в том, как демонстративно не замечали Милдрет те, кто был на его стороне.

Брайс был достаточно умён, чтобы не подставляться драками или оскорблениями. Он – или те, кто учили его – отлично понимали, зачем отец привёз в дом новую дочь и каким образом в аббатстве Дандренон была найдена рукопись, подтверждавшая их родство.

Сама Милдрет тоже довольно рано поняла, что именно происходит вокруг. Об этом ей рассказал сын Кестера, с которым у Милдрет сложились куда лучшие отношения, чем с единокровным братом – Эллер Элиот.

Все трое детей были почти одного возраста, и хотя всем троим было немногим более десяти лет, их уже трудно было назвать детьми. Эллер многое знал о делах отцов и рассказывал обо всём, когда они с Милдрет занимались с мечом во дворе. Милдрет доверяли пока меньше, и всё же она чувствовала, что Брайнен любил её и берёт.

Спустя три года произошло то, чего ни Милдрет, ни Брайс не ожидали – но над чем Брайнен работал все прошедшие месяцы: он добился, наконец, того, что Иннис Армстронг уличили в измене и, отправив её домой, стал подбирать себе другую жену. Рассчитывал он отослать и Брайса, лишив таким образом заговорщиков своего подрастающего тана, но Брайс внезапно рассорился со всеми друзьями и поклялся забыть о том, кем была его мать. Брайнену трудно было избавиться от подозрений, но всё же после долгих размышлений он решил, что

отпускать Брайса к Армстронгам будет ещё опасней, чем оставлять его при себе. Он разрешил мальчику остаться в замке, а сам, призвав брата Маркуса, приказал написать два документа: в одном он признавал Брайса своим сыном, а в другом отказывался от него. Документ о признании Милдрет не только дочерью, но и наследницей, был написан им уже давно, но пока что хранился у брата Маркуса в ларце.

С тех пор, как Иннис покинула дом Элиотов, Брайнен снова занялся поисками невесты и уже через полгода вступил в новый брак. А через год – когда старшим его детям было четырнадцать и тринадцать лет – стало ясно, что вскоре у Милдрет, возможно, появится ещё один брат.

Именно беременность новой супруги Брайнена, леди Айслин, стала сигналом для заговорщиков, которые поняли, что истекает их срок. С рождением нового сына право наследования становилось совсем уж призрачным и, значит, нужно было нанести удар сейчас.

Брайнен, в свою очередь, обрадованный беременностью жены, тем, что она протекает хорошо, и воодушевленный предсказанием опытных повивальных бабок, что это будет мальчик, решил, что Милдрет больше не нужна ему при дворе. Теперь её существование создавало нестабильность, и число возможных наследников было слишком велико, потому, снарядив ещё один отряд рыцарей, Брайнен Элиот приказал отправить дочь в аббатство Дандренон.

Дочь, которую воспитывали как мальчика, чтобы укрепить её дух и сделать достойной наследницей, и в монастырь отправили в мужской одежде – так по дорогам Шотландии странствовать было безопасней.

Сидя в седле замечательного гнедого скакуна, подаренного ей всего пару лет назад, Милдрет сжимала рукоять меча, висящего на поясе, и думала о том, как переменчива судьба. Сблазн сбежать из-под стражи был велик, и ей абсолютно не хотелось возвращаться в монастырь, но планы Милдрет так и не приобрели определённости, когда к концу первого дня поездки отряд остановился на ночлег в небольшой деревушке в землях Армстронгов. Таверны здесь не было, и все пятеро рыцарей разбрелись по домам крестьян, так что Милдрет остался охранять всего один. Это был отличный шанс для того, чтобы сбежать, но Милдрет не представляла, что будет делать потом. У неё были меч и конь, но не было денег, и она слишком мало знала о мире вокруг, особенно по другую сторону границы с Англией, куда бежать было бы надёжней всего.

Милдрет не могла уснуть всю ночь и уже глубоко за полночь, дождавшись, когда рыцарь, охранявший её, уснёт, прокралась к двери и вышла во двор. Снаружи уже начинал заниматься рассвет, и Милдрет остановилась ненадолго, взглядываясь в горизонт и думая, куда же ей идти.

Именно поэтому она стала первой, кто разглядел стремительно приближающуюся от границы кавалькаду всадников. Плащи их были тёмно-синими, как ночное небо, и на флагштоке развевалось знамя рода Вьепон.

– Fortiter et recte! – закричала Милдрет, поднимая тревогу, но пока спящие рыцари поднимались на ноги и облачались в доспех, всадники уже оказались достаточно близко, чтобы нанести первый удар – достался он пастуху, проснувшемуся до рассвета, чтобы вывести в поля овец.

Жители один за другим выскакивали из домов – и словно тростник падали под ударами кавалеристских мечей.

Милдрет, впервые оказавшаяся в настоящем бою, растерялась ненадолго, но когда один из всадников подлетел к ней, руки сработали сами собой, вырвали меч из ножен и вонзили клинок лошади в живот. Та упала на бок, придавливая всадника собой, Милдрет замахнулась, чтобы нанести удар противнику, тщетно пытавшемуся выбраться из-под коня, а затем увидела, как отлетает в сторону в ярости сброшенный шлем, как стелятся по земле длинные пряди блестящих чёрных волос, как сверкают глаза англа – разочарованно и зло. Она не знала, сколько времени прошло, пока она взглядывалась в его лицо – для неё время остановилось, а весь мир за пределами этих чёрных глаз перестал существовать.

Милдрет поняла, что всё ещё стоит неподвижно, только когда обнаружила, что противник уже поднялся на ноги и тянет из ножен клинок, но нанести удар никто из них так и не успел: копыта чьей-то лошади ударили Милдрет в бок, она рухнула на землю, пронзённая дикой болью, и слышала у себя над головой:

– Ещё один готов!

Приподняла голову и успела ещё заметить, как тот самый, черноволосый, совсем ещё мальчишка, кричит отчаянно и зло:

– Мой! Пленник мой!

Ещё один удар копыт отправил Милдрет в темноту.

Глава 17

Для Грегори этот поход был первым.

Сенешаль Тизон настаивал на том, что его для Грегори и вообще не должно было быть, но Грегори стоял на своём так яростно – апеллируя то к родовой чести, то к мальчишкам, которые его засмеют – что уверенность сенешаля могла бы пошатнуться. Последний удар по его решимости оставить пажа дома, впрочем, нанёс вовсе не Грегори, а Генрих, который отдал твёрдый приказ всех дворян старше четырнадцати лет, обитавших в замке, взять с собой. Дворянин этого возраста в замке был один, но Тизону оставалось только скрипеть зубами и надеяться, что Грегори в этой авантюрной вылазке, гордо называемой военным походом, всё-таки не убьют.

Он старался присматривать за мальчишкой как мог, но, как и следовало ожидать, при звуках боевого рога, трубившего атаку, тот вылетел далеко вперёд и стал первым, кто пересёк границу деревни, лежавшей на пути к замку Лиддел.

Накануне ночью разведчики донесли, что в деревне расквартирован десяток солдат, что и послужило причиной атаки – Тизон не хотел, чтобы во время основного сражения его ударили в спину или в бок.

Солдат оказалось куда меньше – всего несколько рыцарей и с ними мальчишка-оруженосец. И итог битвы вполне можно было бы считать успешным, если бы не два обстоятельства: во-первых, несносного мальчишку сбили с коня, и он основательно приложился ребром, так что нужно было немедленно отправлять его обратно в замок, а Тизон никак не мог выделить для этого людей.

Во-вторых, отряд рыцарей, истреблённый почти полностью, судя по расцветке плащей, служил вовсе не клану Армстронгов, а их северным соседям – Элиотам.

Открытие на взгляд Тизона было отвратительное – он не считал возможным в отсутствие лорда начинать серьёзную войну против двух шотландских кланов сразу. Можно было взять рыцарей в плен и за выкуп передать Элиотам, но если те состояли в союзе с Армстронгами – а именно об этом говорил их недавний оскорбительный ответ на письмо сэра Генриха – то наверняка посчитали бы это поводом развязать войну.

После недолгих колебаний рыцарей было решено убить, а о том, чьи цвета были на их плащах и щитах, забыть. Вопрос оставался только с оруженосцем, который их сопровождал, потому что раненый, но не растерявший прыти Грегори Вьепон орал во всё горло, что взял пленника, и пленник этот будет принадлежать ему.

Сэр Тизон предпочитал молчать о том, в каком положении застал обоих мальчишек, когда подоспел Грегори на помощь. Он дважды пожалел о том, что копыта его лошади не забили маленького Элиота насмерть, потому что теперь при любом раскладе выходило, что небольшую промашку не получится скрыть – если отдать Элиота Грегори, как тот и требовал, то сам Элиот стал бы свидетельством того, что рыцари были убиты. Если Элиота ему не отдать, то Грегори может поднять такую шумиху, при которой Тизон снова окажется во всём виноват.

Пока сенешаль принимал решение, а сержанты считали потери, Грегори сидел у себя в шатре над неподвижным телом своего трофея и разглядывал его.

Пленник мало походил на тех шотландцев, что он видел до сих пор. У мальчишки были красивые длинные волосы тёмно-русого цвета, которые так и хотелось перебирать, пропуская между пальцами как песок. Грегори не испытывал такого никогда – разве что в самом раннем детстве, когда играл с косами матери. Потом мать умерла, пытаясь произвести на свет ещё одного Вьепона, и больше Грегори не посещали подобные чувства ни к кому.

Ещё у Элиота были тонкие, будто выточенные из мрамора, на удивление правильные, как у церковных скульптур, черты лица. И бледные губы, по которым хотелось провести пальцами – Грегори и сам не знал – зачем, и боялся себе признаться в том, что хотел бы коснуться их

совсем иначе, не пальцем, а языком. Проникнуть в тёмную складочку, скрытую между ними, и... Грегори не знал, что потом. Чувствовал только, что когда он поддаётся подобным мыслям, в паху нарастает незнакомый приятный жар.

Элиота нельзя было отдавать, и нельзя было позволить убить – это Грегори чувствовал интуитивно и словами объяснить не мог. Но для того, чтобы продвинуть своё решение, у него хватало других слов, которые он умел использовать в нужном месте и в нужное время. В конечном итоге сенешаль не отказывал ему ни в чём и никогда.

Грегори сидел над пленником долго, возможно, несколько часов, и сидел бы ещё столько же, если бы полог шатра не был откинут, и в проёме не показался один из рыцарей Тизона, сэр Джордж.

– Вас хочет видеть сэр Тизон, – сообщил он.

Грегори бросил последний взгляд на мальчика, лежащего перед ним, и, вставая, в последний раз легко провёл кончиками пальцев по его щеке – так, чтобы не заметил сэр Джордж.

– Иду, – сказал он и прокашлялся, обнаружив, что голос его охрип.

Сэр Тизон сидел на открытом воздухе за дорожным дубовым столом и перебирал карты прилегающих земель. Услышав шаги, он лишь на секунду поднял голову, кивнул и снова опустил глаза на стол.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Тизон, когда Грегори приблизился к нему вплотную.

– Хорошо! – ответил Грегори тут же. Инстинктивно повёл плечом, проверяя ушибленный бок, и тут же скривился от боли.

– Рыцари Томас и Свон сопровождают тебя обратно в Бро.

– Но...

– Пленника вы возьмёте с собой. Его нужно немедленно доставить к сэру Генриху. И прежде чем ты продолжишь возражать – судьбу шотландца будет решать он.

Грегори насупился. Он не ждал, что дядя примет решение в его пользу – тут дело обстоит куда хуже, чем с сенешалем Тизоном.

– По крайней мере, его не убьют? – мрачно спросил он.

Сенешаль бросил быстрый взгляд на него и повторил ровным голосом:

– Судьбу пленника будет решать барон.

– Регент, – поправил Грегори ядовито.

Тизон ничего не ответил на этот выпад.

– Всё, – холодно закончил он. – Можешь взять лошадь убитого сэра Торвальда. И пленника повезёшь с собой.

Грегори мрачно кивнул и, развернувшись на пятках, направился обратно в шатёр.

Всю дорогу до замка пленник не приходил в себя. Не обращая внимания на ядовитые смешки рыцарей, охранявших его, Грегори осторожно усадил его в седло перед собой, будто девушку, и всю дорогу старательно придерживал голову Элиота, которая норовила съехать вдоль плеча и повиснуть у него на руке.

Тело пленника было тёплым, и от осознания того, что тот находится в его руках, хотелось улыбаться.

Мысль, что всё-таки не совсем он взял Элиота в плен, и если бы не сэр Тизон, то, скорее всего, сейчас это он лежал бы у Элиота на руках – если бы вообще не был убит на месте – приходила Грегори в голову, но тут же вылетала из неё. В конце концов для того и нужен был сэр Тизон, чтобы его защищать.

Мысли юного Вьепона омрачало, впрочем, то обстоятельство, что ему и его пленнику предстояла встреча с наместником Генрихом. Можно было бы сказать дяде, что сенешаль приказал оставить пленника Грегори – в конце концов, какая разница, что станет с одним-единственным мальчишкой, взятым в плен? Однако в том, что Генрих не слушал сенешаля, Грегори

неоднократно убеждался сам. Скорее наместник мог бы специально сделать наоборот, чтобы доказать, что в замке правит он. То же касалось и любых просьб самого Грегори – Генрих, очевидно, осознавал шаткость своей власти. Он не был особенно популярен ни среди крестьян, ни среди рыцарей, и это делало его неуравновешенным и подчас излишне жестоким.

Грегори боялся представить, что тот может сотворить с его трофеем, и мысли его судорожно металась в поисках возможности на Генриха повлиять.

Ответ пришёл сам собой, когда кавалькада уже въехала во внутренний двор замка, и Грегори попытался спешиться, не потревожив при этом своей ноши. Слезать с лошади, тем более незнакомой, с живым человеком на руках было неудобно, но кое-как Грегори с этим справился, лишь случайно зацепившись за кожаный ремешок, висевший на шее у Элиота. Что-то слабо блеснуло на солнце, и в сознании Грегори отпечатался герб правящей ветви клана Элиотов – меч, заключённый в круг. Он замер на секунду, озарённый догадкой. Затем уже специально залез к мальчику за пазуху и вытянул оттуда висевший на ремешке амулет.

– Грегори, в чём дело? – услышал он голос одного из сопровождавших.

Грегори быстро покачал головой, рванул амулет, разрывая шнурок, и спрятал его себе за пояс.

– Мы уже идём, – ответил он.

Пока двое сопровождавших делали доклад, Грегори стоял чуть позади них, удерживая пленника на плече. Он всё ещё надеялся, что ему позволят оставить мальчишку себе.

– Что здесь делает он? – спросил наконец сэр Генрих, когда доклад был окончен.

Грегори открыл было рот, чтобы ответить, но сэр Томас его опередил.

– Он был ранен, лорд Генрих. В бою он был бы лишней обузой, и сенешаль приказал отправить его обратно в замок.

«Наместник», – поправил Грегори про себя и чуть выступил вперёд, чтобы можно было смотреть сэру Генриху глаза в глаза.

– На вид он здоров, – процедил лорд Генрих сквозь зубы.

– Я принёс вам любопытную новость, – вмешался Грегори, пытаясь вклиниться в разговор, но Генрих не обратил на его слова внимания и снова обратился к Томасу:

– Кто у него на руках?

– Это мальчишка из Элиотов.

– Из Армстронгов, – поправил его сэр Генрих, который слышал уже как настоящую историю, так и её подправленный вариант.

– Именно так, – подтвердил сэр Томас.

– Нет, не так! – снова вмешался Грегори, и на сей раз ему всё-таки удалось обратить на себя внимание. Когда он произнёс: – Этот мальчик – из внутреннего круга Элиотов, – все уже смотрели на него.

Грегори выдержал паузу, наслаждаясь своей властью над публикой.

– Он из правящей ветви, – продолжил он и снова замолк.

– С чего ты взял? – сэр Генрих поморщился, будто говорить с племянником было ниже его достоинства.

– Я слышал разговоры рыцарей до того, как их... Ну, в общем, когда они ещё могли говорить.

Сэр Генрих бросил быстрый вопросительный взгляд на сэра Томаса, но тот пожал плечами, как бы говоря, что не может ни подтвердить, ни опровергнуть этот рассказ.

«За него наверняка могут дать выкуп», – слова так и вертелись у Грегори на языке, но он заставил себя промолчать, и ещё через пару секунд сэр Томас произнёс:

– За него могут дать выкуп.

– Может быть, – признал сэр Генрих. – Может быть, даже согласится на союз. В этом сенешаль Тизон, пожалуй, был прав. Без Элиотов мы Армстронгов вряд ли разобьём. Он помолчал ещё, размышляя, а потом произнёс: – Хорошо. Бросьте его пока в темницу. Всегда успеем убить.

– Но это мой пленник! – на сей раз Грегори не выдержал, но этот вопль не имел уже никакого смысла. Элиота практически выдрали из его рук. Сжимая кулаки, Грегори смотрел, как всё ещё бесчувственное тело уносят прочь, как безвольно болтается его голова и как волочатся по полу ноги, цепляясь за камни.

– А ты, – Грегори даже не сразу понял, что Генрих обращается к нему. – Ещё раз посмеешь спорить со мной при рыцарях или перебивать наш разговор – сам проведёшь месяц на хлебе и воде. А может, и получишь плетей, которых давно уже пора тебе прописать.

Грегори скрипнул зубами и медленно обернулся к дяде.

– Это мой пленник, – упрямо прошипел он, но тут же продолжил, отступая: – Но я в самом деле сожалею, господин наместник лорда, о том, что стал с вами говорить. Могу я быть свободен?

– Да. Пока тебя не позовут.

Грегори развернулся и пошёл прочь.

Вечером того же дня сэр Генрих приказал привести к нему монаха и надиктовал следующее письмо:

– Дражайший мой союзник, драгоценный лорд Элиот. Хотя в прошлый раз ответ ваш на моё предложение о дружбе звучал немного грубо, спешу сообщить вам, что на земле Армстронгов был обнаружен и спасён молодой воин вашего клана, имя которого нам пока не удалось узнать. Ему на вид около четырнадцати лет, и у нас есть основания полагать, что это кто-то из вашей ближайшей родни, возможно, даже ваш сын. Может ли вас интересовать наша помощь в деле возвращения его под отчий кров? Я полагаю, в этом случае вы были бы заинтересованы не только вернуть своего юного отпрыска домой, но вместе с нами отомстить Армстронгам за его похищение. Вечно вам преданный лорд Вьепон.

Ответ от Элиотов пришёл через восемь дней и звучал следующим образом:

«Верный вассал короля Англии и наместник замка Бро, сэр Генрих. Получив ваше письмо, хотим сказать, прежде всего, что наш ответ уже был вам дан. Никто из нашей ближайшей родни не мог оказаться в руках Армстронгов. Если же некий самозванец выдаёт себя за сына лорда Элиота, то на вашем месте я четвертовал бы его, как и любого, кто смеет порочить чужую дворянскую честь. Верный единожды данному слову, Элиот из Элиотов, лорд Брайс Элиот».

Глава 18

Милдрет приходила в себя долго. Последний удар пришёлся по голове, и теперь затылок гудел, как колокол после набата. К тому же вокруг было темно, и она никак не могла понять, проснулась ли, или ещё нет.

Когда же она наконец немного разобралась, где находится, то по виску девочки пробежал холодный пот. Милдрет попыталась сесть и застонала в голос – ломило не только затылок, но и всё тело.

Она кое-как поднялась с ледяного пола, влажного от подземных вод, и прошла по камере, изучая то место, где оказалась.

Камера походила на келью её монастыря – с той разницей, что из кельи она могла свободно выйти в любой момент, здесь же её отделяла от коридора накрепко запертая решётка.

Вглядевшись в темноту, она могла разглядеть, что в обе стороны тянутся ещё ряды таких же камер, но все они пусты.

Для порядка Милдрет подёргала прутья решётки, прекрасно понимая, что не сможет сделать с ними ничего – чтобы отомкнуть их, надо было быть троллем или великаном из древних легенд.

Милдрет сгребла солому, набросанную в углу, так чтобы сверху оказалась самая сухая, и, усевшись на получившийся сноп, закрыла глаза.

Медленно к ней приходило осознание, что жизнь её, кажется, сделала крутой поворот в четвёртый раз.

Англы, взявшие её в плен, могли бы казнить её сразу же. Но раз они не сделали этого, значит, хотели от неё чего-то ещё. Вопрос был в том, чего именно.

Насколько Милдрет представляла себе отношения Элиотов с окружающим миром, англы всё же не были им прямыми врагами – они жили слишком далеко, чтобы быть реальной угрозой власти отца. Их не любили, но скорее просто за то, что они были другими и пришли издалека.

С другой стороны, противостояние англов с Армстронгами не прекращалось никогда – и те, и другие грабили поля, пролежавшие близко от границы, угоняли друг у друга овец. Неоднократно Армстронги обращались к отцу с предложением выступить против англов, отодвинуть границу на несколько миль вглубь острова, выбив чужаков из двух пограничных замков – Бро и Эплби. Отец не хотел лезть в эти дела. Ему хватало тех земель, что находились на севере и востоке.

Знали ли об этом англичане? Милдрет не могла даже предположить. Для неё самой все, кто жил за пределами границы, назывались одинаково – англы. И если бы она взяла в плен кого-то из них, то вряд ли стала бы разбираться, к какому клану он принадлежит.

Англы могли думать, что она знает что-то о расположении войск Армстронгов, и тогда, скорее всего, её должны были начать пытать. Милдрет поёжилась, когда эта мысль пришла ей в голову, и тут же постаралась отогнать её от себя.

Был ещё один, куда более радужный вариант – они могли попросить за неё выкуп. И тогда... Что тогда? Милдрет не знала, даст ли выкуп отец. Ещё совсем недавно Брайнен Элиот называл её дочерью, но Милдрет успела понять, насколько переменчив нрав этого человека. Конечно, у неё были и другие друзья в клане, но никто не посмел бы выкупить её против воли лорда.

Наконец, был и ещё один вариант. Её могли попросту казнить. Ну, или так же легко забыть о том, что она вообще сидит в этой тюрьме.

Глядя на ситуацию со всех сторон, Милдрет приходила к выводу, что положительный исход случившегося с ней очень уж маловероятен, и полагаться на милость захватчиков не

было никакого смысла. Нужно было попытаться бежать, как она собиралась бежать от рыцарей, сопровождавших её в монастырь, и теперь уже было не важно, куда.

Впрочем, поднявшись ещё раз на ноги и сделав новый обход камеры, она так и не нашла ни одного способа осуществить этот план.

Милдрет снова вернулась в свой угол и какое-то время сидела там, размышляя о возможных путях побега, пока не уснула.

Она не знала, сколько прошло дней или часов – за то время, пока Милдрет бодрствовала, день два раза сменял ночь, и четыре раза появлялась у решётки миска с похлёбкой.

Милдрет съедала всё, не обращая внимания на вкус, который был куда хуже, чем у той еды, что она привыкла есть в клане или в монастыре.

Того, кто приносил похлёбку, она увидела только на третий день – это был мальчишка из прислуги, и, заметив, что пленница не спит, он, воровато оглядываясь, принялся махать руками и тсыкать, привлекая внимание.

– Чего тебе? – спросила Милдрет, поворачивая голову.

– Сюда подойди.

Поколебавшись, Милдрет встала и подошла к нему. Мальчишка просунул руку сквозь решётку и вложил в руку Милдрет свёрток из каких-то листьев, а затем быстро отстранился и скрылся в темноте.

Вернувшись в свой угол, Милдрет развернула свёрток и увидела в нём приличный кусок жареного мяса. У Милдрет слюнки потекли от одного запаха, который распространился по камере, и она быстро сжевала неожиданный подарок. Было любопытно, с чего вдруг мальчишка её пожалел, и на следующий вечер, когда тот появился снова и опять принёс ей мясо, Милдрет попыталась мальчишку осторожно расспросить, но тот только мотал головой.

Наконец на третий день Милдрет решила, что терять ей уже нечего, и спросила у мальчишки, не может ли тот принести кинжал – но тот замотал головой ещё яростней.

– Господин не велел! Нет-нет-нет! – бормотал он.

– А мясо носить господин велел? – разозлилась Милдрет на ни в чём неповинного, в общем-то, слугу.

– Мясо велел, – мальчишка быстро кивнул. – Сказал, палкой отделает, если украду.

И пока Милдрет стояла у решётки, пытаясь понять, что всё это значит, и какой ещё господин приказывает носить ей мясо, мальчишка скрылся в темноте.

В голову почему-то лезли чёрные глаза и чёрные пряди, разметавшиеся по камням, а губы, вопреки плачевности положения, растягивались в улыбке.

К тому времени, когда к Милдрет пришёл уже не мальчишка, а двое взрослых стражников, она так и не придумала, что делать дальше. Мысли крутились вокруг того, чтобы попытаться сбежать, когда её поведут на казнь – если, конечно, поведут вообще – или попытаться связаться с неведомым «господином», которому, кажется, было всё-таки не всё равно.

Впрочем, ни то, ни другое осуществить ей не удалось – её взяли под руки с двух сторон. Оба мужчины были сильнее и тяжелее её. И так, под руки, позволяя лишь перебирать ногами, потащили по коридору, затем по лестнице вверх, вывели во двор и снова втолкнули в темноту, в зал – и наконец швырнули на пол перед стулом, служившим тронем местному лорду.

Милдрет заморгала, пытаясь привыкнуть к смене освещения, и через несколько секунд разглядела лицо сидящего перед ней мужчины: у того были длинные, не слишком ухоженные волосы и борода с лёгкой проседью. Под глазами залегли глубокие морщины, но тело сквозь контуры плаща и накидки казалось всё ещё достаточно мощным, так что Милдрет могла бы предположить, что мужчине не больше сорока.

– Встать, – приказал он.

И Милдрет тут же торопливо поднялась на ноги. Она не была уверена, чего от неё ждут, и должна ли она смотреть в пол, как её учили в монастыре, потому решила делать так, как ей самой было комфортней, и стала смотреть лорду в глаза.

– Кто ты такой? – спросил лорд.

Милдрет заколебалась на секунду, пытаясь осмыслить вопрос. Её приняли за мальчика – очевидно, из-за простого дорожного костюма. И уж точно не опознали в ней дочку лорда Брайнена. Она не знала, стоит ли говорить всю правду, но потом решила, что хуже уже вряд ли может быть.

– Я из клана Элиотов, – уклончиво сказала она. – Брайнен Элиот мог бы предложить вам выкуп за меня...

– Твой отец мёртв.

Милдрет дёрнулась, как от удара, глаза её широко распахнулись, и вся она подалась вперёд.

– Мёртв? – спросила она.

– Если это, в самом деле, твой отец, – продолжил Генрих Вьепон. – Потому что твой брат Брайс, лорд Элиот, ничего о тебе не говорил.

– Он мой отец, – тихо сказала Милдрет и отвела взгляд. Надежда на выкуп растворилась – в том, что Брайс не станет заботиться о её спасении, Милдрет не сомневалась.

Она снова чуть подняла взгляд и увидела, как пальцы англа барабанят по подлокотнику, будто тот не мог что-то для себя решить.

– Я всё-таки думаю, что ты можешь быть полезен нам, – сказал наконец он. – Есть ли у тебя союзники в клане Элиот?

Милдрет пожала плечами.

Лорд фыркнул.

– Мальчишка... – задумчиво произнёс он, а потом приказал, – посмотри на меня.

Милдрет тут же подняла взгляд на его лицо.

– Я дарю тебе великую честь. Куда большую, чем ты мог бы ожидать, будучи пленником в моём доме.

Милдрет молча кивнула, давая понять, что слушает и слышит.

– Ты станешь моим пажом. Как если бы тебя отдал мне в услужение твой отец.

Милдрет замерла, пытаясь осмыслить, что несёт ей эта «честь». По всему выходило, что это в самом деле лучший из имеющихся вариантов, потому что он позволил бы, по крайней мере, свободно перемещаться по замку, вместо того, чтобы гнить в тюрьме.

– Благодарю вас... лорд... – она склонила голову в вежливом поклоне и тут же заметила протянутую вперёд руку лорда, узловатые пальцы его унизывали драгоценные перстни. В доме отца не было такого обычая, но Милдрет догадалась, чего от неё хотят и, опустившись на одно колено, коснулась сухой руки губами.

– Вымойся... от тебя пахнет темницей, – поморщился лорд, – явишься ко мне за приказаниями через час, когда будет закончен приём.

Грегори, стоя за гобеленом, смотрел, как его пленник поднимается в полный рост. Его силуэт, разворот узких плеч и стройный стан, скорее подходивший девушке, чем мужчине, завораживали, а почти физическое ощущение того, как тот уходит из его рук, заставляло сердце сжиматься.

«Мой!» – билось у Грегори в голове, и в эту секунду он ненавидел их обоих – дядю Генриха, который отнял то, что по праву принадлежало ему, и этого Элиота, который так легко согласился служить неизвестно кому.

Грегори жалел о том, что думал о пленнике все прошедшие ночи, что заставлял сына мельника носить ему еду, что вообще не позволил сразу же его убить. И о том, что сам он был

слишком слаб и слишком юн, чтобы противостоять наместнику. Да что там – чтобы просто показаться Элиоту на глаза и объявить свою власть над ним. Ведь тогда Генрих лишь посмеялся бы. Грегори было всего четырнадцать, и сам он был всего лишь пажом, и одна только мысль о равенстве их положения будила в нём новые волны злости.

– Войди, – услышал он приказ и понял, что слова относятся к нему.

Грегори стиснул зубы и, скользнув между гобеленами, остановился напротив лорда.

– Ты не преклонил предо мной колени, – заметил Генрих и испытующе уставился на него.

– Отец оставил тебе замок до своего возвращения, но он не оставлял тебе меня.

– Он имел это в виду.

Грегори промолчал.

– Я надеюсь, ты не ошибся, – продолжил Генрих, – и этот мальчик может быть нам полезен.

Сенешаль Тизон вернулся из похода через месяц. Армия его была разбита, и сам он был зол.

Грегори же с нетерпением ждал его возвращения все прошедшие дни – и прежде всего, чтобы задать один-единственный вопрос. Он произнёс его, подавая Тизону жаркое и вино в первый же вечер, ещё до того, как тот успел отчитаться перед наместником о результатах похода.

– Что мне сделать, чтобы стать оруженосцем? – спросил Грегори.

Вопрос был столь неожиданным, что Тизон даже забыл на некоторое время о своей неудаче. Никогда за всё то время, что сенешаль знал Грегори, тот не интересовался тем, что ждёт его впереди.

– Тебе было бы неплохо показать себя в бою, – сказал Тизон, делая глоток из предложенного ему кубка.

– Я пытался, но ты не берёшь меня в бой.

– Потому что ты ещё слишком юн.

– Ты видел, что шотландские юноши уже сражаются и...

– ... и легко могут сбить тебя с коня.

Грегори скрипнул зубами. Зло стукнул миской с ужином по столу и отвернулся к окну.

– Грегори, – Тизон вздохнул. – Сейчас не лучшее время это обсуждать, но, может быть, действительно, самое время для тебя, чтобы задать этот вопрос.

Грегори бросил на него быстрый взгляд и кивнул.

– Я посвящу тебя в оруженосцы, когда буду видеть, что ты способен отвечать за свои поступки. Когда буду видеть, что ты смотришь хотя бы на пару шагов вперёд.

– Я смотрю!

– И поэтому ты опять поссорился с лордом?

– С намес... – Грегори замолк, и злость в его взгляде сменилась задумчивостью.

– Вот видишь, – Тизон встал и подошёл к нему. – Я не говорю, что не согласен с тобой. Я просто думаю, что нельзя делать первое, что взбрело тебе в голову, вот и всё. Ты хорошо управляешься с мечом, отлично держишься в седле... но именно то, что ты не в состоянии управлять собой, привело к тому, что ты был побеждён. И мне пришлось вернуть тебя домой.

– Хорошо, – буркнул Грегори, – я понял, – и снова отвернулся к окну. Молчал какое-то время, но когда сенешаль уже стал укладываться спать, не выдержал, и произнёс: – А когда я стану оруженосцем, я смогу иметь пажа?

Тизон вскинул брови и посмотрел на него. До него начинало доходить, к чему был весь этот разговор.

– Пока ты думаешь об этом, оруженосцем тебе не стать.

– Да или нет?

– Да. Если мы с дядей Генрихом тебе позволим.

– Хорошо, – Грегори прищурился и снова уставился в полумрак двора. В том, что Тизон разрешит, сомнений не было. Но вот как отобрать Элиота у дяди – в самом деле был интересный вопрос.

– Закрой ставни, – донесся из-за спины недовольный голос Тизона. И Грегори послушно выполнил приказ.

Глава 19

В тюрьме Милдрет больше всего беспокоило, выживет она или нет. Когда же непосредственная угроза миновала, она смогла задуматься о вещах более значимых и долговечных.

Во-первых, она с неудовольствием обнаружила, что в пылу сражения потеряла оставленный матерью амулет. Это открытие основательно подпортило и без того безрадостное настроение пленницы, превратившейся разом в сироту и пажа на чужой земле, но, по сути, всё равно оставшейся пленницей.

Весть о смерти отца нанесла ещё один, куда более серьёзный, удар по её душевному равновесию – Милдрет неожиданно остро ощутила себя абсолютно бездомной, лишённой всякого места в мире и не знающей, куда податься теперь.

Легко было принимать решение о побеге, когда выбором были побег или смерть. Теперь же в голову лезли мысли о том, что она стала бы делать дальше, если бы сбежала.

Брайс вряд ли принял бы её обратно в семью. Просто потому что Милдрет была и оставалась угрозой для него и его старших друзей.

Вернувшись в Шотландию, она могла бы, пожалуй, присягнуть на верность одному из других вождей. «Например, Армстронгу», – мелькнуло в голове, и Милдрет усмехнулась про себя. Это было ничуть не лучше, чем служить англичанину, который взял её в плен.

В любом случае возможности для побега ей не представилось ни в первый, ни во второй день. Зато жизнь её оказалась не так плоха, как можно было бы ожидать.

Лорд Вьепон – как называл себя местный правитель – судя по всему, надеялся извлечь из неё какую-то выгоду как из наследницы – или заложницы. Это удерживало его от лишней жестокости какое-то время и позволило Милдрет спокойно освоиться на новом месте, привыкнуть к новым обязанностям, которые свободный Элиот мог бы счесть для себя унижительными – но с детства обученная смирению Милдрет восприняла относительно легко.

Правда, если Генрих Вьепон старался соблюдать пиетет, то его окружение делало это далеко не всегда.

В замке к Милдрет цеплялись все, вплоть до сына кузнеца, который непрестанно похихкивал то над её дикарской манерой разговаривать, то над «женоподобной внешностью». О том, что Милдрет и есть девушка, по прежнему никто не знал – и Милдрет не горела желанием это раскрывать.

Первое время Милдрет частенько оказывалась участницей драк и их же виновницей – поскольку для большинства взрослых было очевидно, что ссору мог затеять только чужак.

Ситуация заметно поменялась в октябре, когда лорд Вьепон отправил её за водой для ванны. Тут же у реки набирал в ведра воду для кузни и сын кузнеца, Джон. Ростом он был дюймов на восемь выше Милдрет и примерно на столько же шире в плечах. Привычный к работе с молотом, он пробовал держать в руках и оружие, Милдрет же, напротив, не видела меча с тех пор, как попала в новый дом.

– Будешь своему хозяину ноги мыть? – спросил Джон, искоса поглядывая на Милдрет.

Милдрет стиснула зубы и решила досчитать до трёх.

– Хоть один поганый скотт знает своё место.

Милдрет медленно выпрямилась, и Джон, также оставив ведра на земле, встал в полный рост.

Ударить он не успел, потому что со стороны донжона показался ещё один парень, тоже не слишком высокий и скорее стройный, чем мускулистый. Волосы его покрывал капюшон, но по мере приближения Милдрет смогла разглядеть его лицо, и сердце её гулко ухнуло, когда она узнала того, из-за кого здесь оказалась. Она выкрикнула бы его имя, если бы знала, как

этого мальчишку зовут. Странно, но обиды не было. Была даже какая-то радость, что этот английский оруженосец не приснился ей, а существовал на самом деле.

– Ты не слишком отвлекаешься, Джон? – поинтересовался тот, не взглянув в сторону Милдрет.

Джон шумно засопел.

– Нет, господин, – ответил он и уставился на ведро, стоявшее у его ног.

Незнакомец подошёл и демонстративно пнул ведро ногой, опрокидывая его содержимое обратно в реку.

– Когда закончишь – и моему хозяину принеси.

Черноглазый мальчишка скользнул невидящим взглядом по лицу Милдрет и, развернувшись, побрёл обратно в сторону башен.

Секунду в Милдрет боролись гордость и любопытство, а затем она не выдержала и спросила:

– Кто это такой?

Джон с удивлением посмотрел на неё.

– Сын прежнего лорда, Грегори Вьепон.

– Грегори Вьепон, – Милдрет попробовала имя на вкус и невольно улыбнулась.

– Не советую с ним связываться, никогда не знаешь, чего от него ждать.

Улыбка Милдрет стала ещё шире. Она опустила взгляд на опрокинутое ведро.

– Часто он тебя заставляет воду носить вместо него?

Джон насупился и промолчал, а Милдрет стало совсем весело.

– Хочешь, буду носить вместо тебя?

Джон посмотрел на девушку с подозрением.

– Взамен ты отстанешь от меня и договоришься с остальными, чтобы отстали они.

Джон молча опустил на корточки и принялся наполнять ведро. Милдрет присела рядом с ним и занялась своим.

– Хорошо, – сказал Джон, уже вставая, – его господин – сенешаль Тизон. Найдёшь его в южной башне. И он не любит ждать.

Джон сдержал слово, и с того дня с Милдрет вообще не разговаривал никто из живущих в замке детей.

Сама же Милдрет, едва закончив с ванной своего господина, отправилась за водой второй раз.

Грегори уже ждал её у рыцарской башни – он стоял, глядя куда-то вверх каменных стен, и, заслышав шаги за спиной, недовольно заявил:

– Что так долго? – на последнем слове он обернулся и замер, глядя на Милдрет в упор.

Милдрет тоже молчала, впервые с момента их первой встречи получив возможность внимательно рассмотреть это лицо с чуть удлинённым носом, твёрдым изгибом капризно сжатых губ и насупленными бровями, которые хотелось разгладить, проведя пальцем от самого носа к вискам.

– Ты, – сказал Грегори и свёл брови ещё плотней. – Поставь ведро.

Милдрет послушно опустила ведро на землю.

– Почему ты их принёс? Джон заставил?

Уголок губ Милдрет невольно пополз вверх от этого глупого предположения – сколько бы она не цапалась с местными, заставить её пока ещё никто не смог.

– Я сам хотел, – не переставая улыбаться, произнесла она.

Грегори молниеносно шагнул вперёд и, поймав её руки, развернул ладонями вверх.

– Я не хочу, чтобы ты носил вёдра, – сказал он.

Милдрет подняла бровь отчасти в искреннем удивлении, отчасти от того, что её позабыла эта неуместная и несвоевременная забота.

– Твои руки должны быть гладкими, – заявил Грегори.

– Это невозможно, – спокойно возразила Милдрет. – Я не девушка и не собираюсь целыми днями пряться.

Грегори нахмурился ещё сильнее.

– Мне это не нравится, – всё тем же голосом заявил он.

На сей раз Милдрет не смогла сдержать улыбки – и даже смеха – и уже через секунду почувствовала боль в затылке, стукнувшись о каменную кладку стены. Одна рука Грегори крепко держала её плечо, а другая упёрлась в камень, перекрывая возможность ускользнуть вбок.

– Ты смеёшься надо мной? – прошипел Грегори ей в лицо.

Милдрет попыталась избавиться от улыбки, но так и не смогла. Страшно не было совсем – напротив, впервые за всё время в замке Бро ей было легко. Она приподняла руку и, повинувшись внезапному порыву, провела кончиками пальцев по щеке Грегори – ещё по-юношески мягкой, но тёплой и какой-то родной.

Не переставая улыбаться, Милдрет покачала головой.

– Я так рад, что увидел тебя, – призналась она.

Грегори стоял какое-то время. Его шумное горячее дыхание касалось губ Милдрет, пробуждая в теле незнакомый огонь.

Ещё несколько секунд они не двигались. Грегори мучительно пытался понять, что с ним творится, и почему этот хрупкий мальчишка вызывает нестерпимое желание впитаться ему в губы, смять их, присвоить себе, пока этого не сделал кто-то другой – а потом резко отстранился.

– Оставь ведро, – приказал он. – Второе я принесу сам.

Милдрет снова удивлённо приподняла бровь. Грегори, судя по всему, не понимал, сколько воды нужно на одну бадью. «То есть, в самом деле заставлял кого-то работать за себя?» – поняла она.

– Я тебе помогу, – сказала Милдрет с улыбкой, но стараясь больше не злить избалованного англа, – там не одно.

Грегори поколебался.

– Сенешаль давно ждёт, – сказал он. – Ладно. Пошли. Я схожу с тобой.

За полчаса они перетаскали воду и заполнили бадью. Грегори взялся разводить огонь, а Милдрет стояла в стороне, внимательно глядя на него. За всё время работы они не сказали друг другу ни слова, но Милдрет хватало возможности просто смотреть, как двигается Грегори – плавно, будто кошка. Под тонким льном рубашки то и дело проступали бугры мускулов, которых не было у неё самой.

Милдрет вздохнула, невольно подумав о том, что четыре года тренировок с мечом пошли прахом – всё равно теперь ей быть просто слугой. Она не была уверена, но, кажется, начинала привыкать к своей судьбе.

Грегори, само собой, по-английскому обычаю посвятили бы со временем в оруженосцы, а затем он стал бы и рыцарем. Ей же здесь никто и никогда не позволил бы взять в руки меч. Хоть её и называли пажом, а не пленницей, для обитателей замка она всё равно оставалась врагом.

– Всё, – объявил Грегори, шупая рукой воду.

Милдрет кивнула. Уходить не хотелось, но причин оставаться больше не было.

– Я завтра приду? – спросила она и тут же пояснила. – Воду принесу.

– Придешь, – подтвердил Грегори, – только без воды. Вместе принесём.

Теперь Милдрет приходила к Грегори каждый день, едва заканчивала свои дела – и помогала ему делать ещё и его.

Грегори принимал помощь с хладнокровием человека, который привык, что всё делают за него. Однако, хоть он и не говорил об этом вслух, ему было приятно от того, что рядом с ним шотландец, которого он с самого начала считал своим. И почему-то неловко от того, что тот делает больше него – хотя его в самом деле никогда не смущала необходимость заставлять других что-то делать.

Потом наступила зима. Жизнь в замке почти остановилась, но Грегори был этому только рад – тренировочная площадка почти всё время была пуста, и теперь он мог вволю упражняться с мечом. Милдрет довольно быстро поняла, где теперь искать англичанина, и стала приходить не к башне, а сразу туда.

Как-то Грегори вынес на площадку оружие, но тренировки начать не успел – его позвал к себе сенешаль, чтобы отчитать за очередную выходку с крестьянской овцой. Надо сказать, что овец Грегори не воровал уже давно, в основном потому, что ими надо было делиться со всеми, а он в последнее время не хотел видеть никого, кроме «своего шотландца» – но когда произошла пропажа, первым делом подумали на него.

Милдрет осталась один на один с мешком, в котором лежали доспех, меч и копьё. Какое-то время заповедь «не укради» вертелась в её голове, а потом уступила место более земным потребностям – пользуясь тем, что никого не было рядом, она достала из мешка меч и покрутила в руках. Затем извлекла из ножен и, опустив их на землю, примерилась к рукояти. Ударил деревянного манекена наискось – меч был непривычно тяжёлым и перевешивал вперёд, так что сохранять равновесие было тяжело. Но она всё-таки ударила ещё разок, и ещё, а затем так увлеклась, что не сразу услышала вопль у себя за спиной – поняла, что происходит, только когда почувствовала удар в плечо.

Милдрет молниеносно развернулась, принимая новый удар на лезвие меча. В руках у стоящего перед ней Грегори был деревянный учебный меч, но Милдрет к такому противостоянию всё равно была не готова. Она нанесла несколько ударов, но для неё клинок был слишком тяжёл, а Грегори со своим игрушечным мечом двигался в пару раз быстрее. Через некоторое время он обманчивым манёвром заставил Милдрет отвести меч в сторону, а сам ударил её кулаком в грудь. Удар был столь неожиданным, что Милдрет отступила на шаг назад, оступилась и повалилась навзничь, едва успев отбросить в сторону меч – а Грегори наклонился над ней и ткнул кончиком деревянного меча ей в солнечное сплетение.

– Проси пощады, – приказал он.

Милдрет стиснула зубы. Её обуяла злость. Она никого здесь не собиралась просить.

Грегори постоял над ней ещё секунду, а потом убрал клинок и протянул ей руку, предлагая встать.

– Я бы и тогда тебя свалил, – сказал он.

Милдрет ничего не ответила. Молча подняла меч и протянула его Грегори рукоятью вперёд.

Грегори принял клинок и покрутил в руках. Рукоять ещё хранила тепло.

– Будешь заниматься со мной? – спросил он.

– Мне не дадут меча, – мрачно сказала Милдрет.

– А если я найду?

Милдрет пожала плечами.

– Я скажу, – мечтательно произнёс Грегори, уже не глядя на неё, – что мне нужно на ком-то тренироваться. И мне отдадут тебя.

Милдрет улыбнулась, хотя от последних слов по спине пробежал неприятный холодок. Ей абсолютно не хотелось, чтобы её «отдавали» кому бы то ни было – и всё же смотреть на Грегори, мечтательно уставившегося в небо, было очень приятно.

– Хорошо, – согласилась она.

Однако плану Грегори не суждено было воплотиться в жизнь. Сенешаль Тизон, ещё злой после необходимости разбираться с овцой, сухо ответил ему, что такое разрешение может дать только лорд Вьепон.

Грегори даже не стал спорить о том, что Генрих никакой не лорд – он почти месяц решался на то, чтобы подойти с подобной просьбой к наместнику, прекрасно понимая, что любая просьба с его стороны того только разозлит.

Когда же он наконец решился, реакция сэра Генриха была именно такой, какую он и ожидал. Тот долго молчал, прикидывая что-то в уме, а затем ответил, что отложит решение до весны.

Весной, впрочем, он ответа снова не дал – вместо этого объявив, что Тизон должен готовиться выступить в новый поход. Никаких разумных доводов он слушать не хотел, со своей же стороны предъявлял один единственный аргумент:

– Народ недоволен. И зол. Нужно занять их войной.

Тизон после недолгого спора согласился начать приготовления, а когда в апреле всё уже было готово к выходу, снова встал вопрос о том, должен ли Грегори идти в бой вместе с ним.

– Обязательно, – заявил Генрих. – Иначе он никогда не станет мужчиной.

Тизон стиснул зубы. У него было кардинально другое мнение на этот счёт. Ему начинало казаться, что сам этот поход устроен для того, чтобы наследник погиб где-нибудь на поле брани, и замок полностью оказался в распоряжении Генриха Вьепона.

Впрочем, приказу он всё-таки подчинился и через несколько дней вывел рыцарей за ворота.

Грегори, вопреки его ожиданиям, на сей раз вёл себя вполне разумно. Не лез вперёд и не создавал проблем. Подавал оружие и старался прикрывать самого Тизона сбоку, будто всем видом показывал, что он уже настоящий оруженосец, а не просто паж.

Тизон был уже готов задуматься о том, чтобы в самом деле посвятить Грегори, когда картина на поле боя кардинально изменилась – на помощь почти разгромленному войску Армстронгов с холмов двинулась вниз лавина воинов с гербом Элиотов на плащах.

Снова армии Вьепонов пришлось отступить, и оставалось лишь надеяться, что Элиоты не станут их догонять.

Надежда, впрочем, не оправдалась – англичан гнали до самого замка Бро, где им удалось укрыться за воротами, и до конца весны продолжалась осада. Потом, оставляя за собой разорённые поля, шотландцы отступили.

Весь май сэр Генрих вёл переговоры с Элиотами, то и дело напоминая про заложника, которого удерживает у себя, но так и не смог убедить никого из них.

В начале июня он призвал к себе Милдрет – исхудавший и злой.

– Найди себе шапку шута, поганый скотт, – приказал он. – Будешь прислуживать нам на пиру. Люди должны знать, что я всё ещё в состоянии их прокормить. И что вы, дикари, склоняетесь предо мной.

Глава 20

Пир теперь устраивались раз в месяц – рыцари собирали еду с окрестных деревень, чтобы затем устроить празднество, на которое приглашались все обитатели замка, а иногда и дворяне из соседних крепостей.

Сэр Генрих, раздосадованный чередой поражений, пытался скрыть свои неудачи.

Среди крестьян тем временем росло недовольство – хозяйства, и без того разоренные недавней войной, не могли – да и не хотели поставлять хлеб и мясо для празднеств знати.

Грегори мало занимал последний вопрос. Он вообще никогда и ничего не имел против пиров. Но первый же пир, устроенный Генрихом, заставил его белеть от злости.

Большой зал, где сэр Генрих обычно проводил приёмы, в тот день был разделён на два – в одной части стоял большой стол, предназначенный для лорда и его окружения.

Здесь наравне с самим сэром Генрихом сидел младший из братьев Вьепон, казначей замка Джон Вьепон. По другую руку от Генриха – сенешаль Тизон.

Это уже нарушало этикет, потому что Тизон всегда сидел по правую руку от отца – теперь же стало наоборот.

В дальний угол стола был отсажен и констебль, Осмунд Филмор, который не имел с сэром Генрихом кровного родства и занял своё положение при прежнем лорде, отслужив два десятка лет.

Начальник ополчения, занимавший при сэре Роббере место за верхним столом, теперь и вовсе оказался за нижним. Зато Генриха и его приближённых окружили несколько наиболее знатных рыцарей с супругами и двоюродные братья Грегори – всем им было уже больше двадцати, и все, кроме одного, были посвящены в рыцари. Именно это отличие Генрих посчитал поводом поместить их за верхний стол, а за нижний – старших слуг, лесничего, конюшего и кузнеца. Каким-то образом в эту компанию затесался и капеллан – тоже не слишком довольный выделенным ему местом.

Грегори же места не досталось вовсе – впервые за всё время его жизни в замке Бро он должен был не пировать, а прислуживать за столом. И хотя Грегори понимал, что в этом состоит его обязанность как пажа, сам факт того, что он будет слугой там, где его дядя и кузены хозяйева, не давал ему покоя. Осознав это, Грегори хотел было развернуться и покинуть зал, но взгляд его, презрительно скользнувший по лицам обитателей верхнего стола, зацепился за фигуру с длинными тёмно-русскими волосами, стлавшимися по плечам.

Там, в центре, окружённый подковой стола и смеющимися, галдящими фигурами гостей, сидел на полу его шотландец, Данстан. В отличие от Грегори, ему не дали возможности даже стоять у стены. Руки его были закованы в цепи, а на плечи была криво, будто её одедали против его воли, накинута шутовская ливрея.

Грегори скрипнул зубами и почувствовал, как медленно, будто закипая, абстрактная злость, адресованная к Генриху нарастает и превращается во вполне конкретную ненависть.

В голове промелькнула мысль, что, если бы Данстан стоял у стены рядом с ним – пожалуй, он и сам согласился бы остаться, наплевал бы на всё за одну только возможность провести этот вечер с ним.

«А впрочем, нет, – тут же одернул себя Грегори, – никогда». Никогда он не показал бы Данстану своего унижения. И от того, что мог видеть униженным его, в жилах Грегори вскипала кровь.

Он подошёл к малому столу и, подхватив с него чей-то глиняный кубок, сделал большой глоток.

– Как это понимать? – спросил Грегори у оказавшегося под боком лесничего и кивком указал туда, где оказался Данстан.

Лесничий недоумённо посмотрел на Грегори, проследил за его взглядом и наконец произнёс:

– А! Это Элиот. Господин собирается показать нам, как проклятый скотт будет лизать ему сапоги.

Грегори с трудом преодолел желание схватить немолодого уже лесничего за шиворот и впечатать лицом в стол.

Залпом осушив кубок, он с глухим стуком опустил его на стол, затем пересёк зал и остановился у самого плеча сэра Генриха, обсуждавшего что-то с дядей Джоном.

– Я не для того тебе его отдал, – сказал он негромко, но так что оба старших родственника мгновенно замолкли, воззрившись на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.